Что стоит за сменой политики Украины в отношении Беларуси?

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Судя по всему, в Киеве стали волноваться из-за нелегкого, но все же прогрессирующего дипломатического процесса между Беларусью и США. Вероятно, там переживают, что нормализация белорусско-американских отношений, если она произойдет, может стать модальной для диалога Вашингтона и Москвы.

Содержание

1 Украинско-белорусские американские горки
2 Почему именно сейчас?
3 Только риторика?

18 февраля президент Украины Владимир Зеленский подписал указ, которым утвердил решение Совета национальной безопасности и обороны «Про применение персональных специальных экономических и других ограничительных мер (санкций)». Объектом этого решения стал президент Беларуси Александр Лукашенко. Приложение к указу содержит 17 пунктов, перечисляющих виды введенных ограничительных мер. Список выглядит странно: в нем через запятую прописаны санкции как индивидуального характера в отношении главы белорусского государства, так и те, которые могут применяться в отношении компаний, секторов экономики и даже целой страны.

Например, в нем одновременно содержатся положения о блокировке активов; ограничении торговых операций; частичной или полной остановке транзита ресурсов; приостановке действий лицензий; прекращении выполнения экономических и финансовых обязательств. Также говорится о запрете или ограничениях на заход иностранных невоенных судов и военных кораблей в территориальное море Украины; прекращении действия торговых соглашений,

совместных проектов и промышленных программ в некоторых сферах, в том числе в сфере безопасности и обороны. Предусматривается приостановка культурных обменов, научного сотрудничества, образовательных и спортивных контактов, а также отказ в выдаче виз и применение иных запретов на въезд на территорию Украины. То есть из приложения к указу пока сложно понять, что эти санкции будут означать на практике, как они будут внедряться и на кого именно распространится их действие.

Несмотря на то, что решение Киева в отношении Минска выглядит беспрецедентным для двусторонних отношений и несмотря на его подчеркнуто активный пиар со стороны властей Украины, оно не стало неожиданностью. Еще на полях Всемирного экономического форума в Давосе украинские представители начали сигнализировать, что белорусское направление приобретает для них какое-то новое политическое значение. Несколькими днями позже Владимир Зеленский сделал тему Беларуси центральной в выступлении в рамках польско-литовско-украинского саммита в Вильнюсе. А чуть позже министр иностранных дел Украины Андрей Сибига официально подтвердил, что Киев начинает «новый системный подход» в отношениях с Минском, где в центре внимания будет взаимодействие с находящейся за пределами страны белорусской оппозицией.

> Как точно будет выглядеть этот «новый системный подход» украинского правительства к Беларуси, на этот момент сказать сложно. Параметры новой политики, если таковая действительно будет за рамками публичной риторики и информационного поля, станут заметными со временем.

Пока же более интересным и потенциально важным представляется другой вопрос: почему «смена пластинки» в отношении Беларуси у руководства Украины произошла именно сейчас?

Из многочисленных комментариев украинских официальных лиц и сопроводительного текста к указу Зеленского от 18 февраля очевидный ответ на этот вопрос не следует. Там перечисляются различные основания по принципу «от царя Гороха». То есть упоминаются претензии и обвинения, некоторые из которых звучат уже почти четыре года, но ранее не вызывали аналогичных санкционных решений Киева и не вели к провозглашению «новых системных подходов». Складывается впечатление, что перед составителями мотивационной части решения и стояла задача просто вписать в нее все, что только можно. А это делает вопрос о реальном триггере решения еще более актуальным.

Украинско-белорусские американские горки

До 2020 года отношения Беларуси и Украины в большинстве аспектов можно было назвать образцовыми. Несмотря на тесный союз Минска и Москвы, с которой Киев находился в состоянии необъявленной войны еще с 2014 года, белорусско-украинское сотрудничество показывало пример соседского прагматизма и замечательных результатов во многих сферах взаимодействия. В том числе в области безопасности, где фактор минской переговорной площадки позволял Беларуси занимать нейтральную позицию по российско-украинскому конфликту и тем самым фактически гарантировать безопасность белорусско-украинской границы. А последняя составляет ни много ни мало 1084 км.

Однако после 2020 года – ссылаясь вначале на пандемию коронавируса, а затем на итоги президентской кампании в Беларуси – власти Украины отказались от переговорной площадки в Минске. Это лишило белорусское руководство главного аргумента для собственного ситуационного нейтралитета в контексте российско-украинского конфликта. А в 2021 году Киев вдобавок еще и ввел против Беларуси санкции, закрыв, в частности, свое небо для белорусских судов и запретив авиакомпаниям из третьих стран пользоваться украинским воздушным пространством для полетов в Беларусь. То решение подорвало взаимное доверие между соседями и возможности для эксклюзивной коммуникации.

После начала войны между Россией и Украиной в феврале 2022 года белорусско-украинские отношения оказались в системном кризисе. Так как в первые дни войны отдельные части российской армии вошли в Украину с белорусской территории, Киев ожидаемо записал Беларусь в со-агрессоры. Тем не менее дипломатические отношения между странами разорваны не были, в Минске до сих пор функционирует украинское посольство. Притом, если бы сам Киев в 2023 году не отозвал своего посла, дипломатическая миссия Украины в Беларуси продолжала бы работать в полноценном формате. Еще более интересно, что Минск, со своей стороны, даже не вносил Украину в список недружественных государств, где находятся вводящие против Беларуси санкции западные страны.

Несмотря на системное ухудшение отношений и повсеместное сокращение сотрудничества после 2022 года, и Минск, и Киев не скрывали, что поддерживали непубличный двусторонний диалог на уровне специальных служб и высокопоставленных официальных лиц. В некоторые периоды этот диалог становился более интенсивным и перспективным, в какие-то почти затухал.

> Однако диалог позволял управлять многочисленными рисками, очевидно возникшими между государствами в контексте российско-украинской войны. Также он помогал избегать конфронтации, в которой не были заинтересованы ни Киев, ни Минск.

В частности, несколько раз сторонам удавалось деэскалировать напряженность на границе и находить выгодный им баланс между взаимным сдерживанием и диалогом.

Примечательно, что эта непубличная двусторонняя динамика и понимание ее важности со стороны Киева несколько раз в 2022 и 2023 годах даже приводили к тому, что правительство Украины и вовсе лоббировало в Брюсселе и иных европейских столицах смягчение санкционной политики в отношении Минска.

Почему именно сейчас?

С чем же тогда может быть связана такая резкая смена риторики Киева в начале 2026 года? Версий в СМИ и дипломатических кругах высказывается множество. Например, говорят о факторе нового главы Офиса президента Украины. Журналисты стали активно писать о том, что давно было известно в политических кулуарах: бывший глава Офиса Андрей Ермак действительно занимал категорически негативную позицию по поводу перспектив сотрудничества Киева с находящимися в Литве и Польше белорусскими оппозиционными структурами. Однако такую же позицию занимал не только он. И в Офисе президента, и в МИД, и в других органах власти Украины элементарно не понимали, что Киеву может дать взаимодействие с оппозицией, которая не имеет никакого влияния на ситуацию внутри Беларуси. Поэтому фактор Ермака явно не объясняет происходящее.

Еще одна версия сводится к предположению, что сейчас в адрес Зеленского поступили просьбы со стороны западных политиков и самой белорусской оппозиции. Действительно, нет сомнений, что такие просьбы звучали. Более того, даже понятно (и известно), от каких конкретных официальных лиц и из какой конкретной соседствующей с Беларусью страны такие просьбы-предложения в адрес Киева настоятельно поступали в январе.

Однако это обстоятельство также не объясняет, почему Киев «сменил пластинку» в своей белорусской политике и почему именно сейчас. Ведь за последние четыре года с подобными просьбами и даже требованиями в адрес украинских властей обращались многие западные политики. В том числе намного более влиятельные и

важные для Украины, чем те, которые проявили активность сейчас. Более того, даже в самой соседствующей с Беларусью стране, откуда поступила соответствующая просьба, далеко не все в правительственных кругах ее поддерживают. Ряд высокопоставленных лиц там, наоборот, восприняли изменившуюся линию Зеленского по Беларуси как непродуманную, непродуктивную и даже опасную, как «подложенную свинью».

> Интересно, что и в самой Украине, насколько можно судить по непубличным мнениям знакомых с киевской политической кухней экспертов, новый курс по Беларуси преимущественно не находит понимания в «глубинном государстве».

Не в том смысле, что там продолжают испытывать какие-то особо теплые сентименты в отношении белорусского соседа, как это было до 2022 года. Просто многие в органах власти Украины считают действия Зеленского, резко поднимающие ставки в отношении Минска, слишком авантюрными и потому неоправданными.

На таком фоне наиболее логичное объяснение сводится к другой гипотезе. Судя по всему, в Киеве (и некоторых европейских столицах) стали волноваться из-за нелегкого, но все же прогрессирующего дипломатического процесса между Беларусью и США. Вероятно, там переживают, что нормализация белорусско-американских отношений, если она произойдет, может стать модальной для диалога Вашингтона и Москвы. То есть что Минск может показать пример того, как дипломатическими средствами в диалоге с США можно деэскалировать региональную напряженность и выйти на конструктивную повестку дня. Понятно, что с учетом давления США на Киев в контексте поиска способов завершить войну подобная перспектива выглядит для команды Владимира Зеленского пугающей.

Только риторика?

Сейчас сложно прогнозировать получит ли «новый системный подход» Украины к Беларуси развитие за рамками лишь медийной риторики и принятого указа. Во-первых, пока слова и действия Киева выглядят скорее политико-символичными, чем изменяющими что-то на практике. Во-вторых, после 2022 года экономическое сотрудничество между Беларусью и Украиной и так почти сошло на нет. Тем не менее не исключено, что украинские власти будут предпринимать и другие шаги в направлении провозглашенной новой политики.

Тем более, что в самом Киеве все больше разговоров о том, что Украине следует начать позиционировать себя более мощным и амбициозным региональным игроком и готовить почву для собственной ведущей региональной роли после завершения активной фазы боевых действий на российско-украинских фронтах. Учитывая склонность действующих властей в Киеве к политике медийно-публичными средствами, такой ход мыслей выглядит для них вполне органичным. Здесь, правда, автоматически возникает вопрос об адекватности подобного стратегического позиционирования реальному положению дел на фронтах и перспективам украинской государственности. К тому же, едва ли этим геополитическим амбициям Киева будут рады другие европейские столицы, особенно в Центральной и Восточной Европе.

> Интересно понаблюдать и за белорусской реакцией на происходящее. Очевидно, что Минск так или иначе будет реагировать на подобные «новые подходы» Киева.

И если их инициаторы рассчитывают, что повышение ставок в отношении Беларуси не только осложнит белорусско-американский диалог, но и даст Украине дополнительный рычаг давления на Минск, то на практике все может получиться ровно наоборот.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»